

Итальянская литература о «стальном пакте»

В становлении итало-германского военно-политического союза можно выделить два этапа. Первый из них связан с налаживанием политического, военного, идеологического сотрудничества между двумя государствами вслед за приходом нацистов к власти в Германии в январе 1933 г. и заключением политического союза (оси Рим — Берлин) в октябре 1936 г. Второй — от установления фашистской оси до заключения военно-политического союза 22 мая 1939 г.

В данной статье рассматривается оценка в итальянской историографии значения и последствий заключения «стального пакта», его влияния на военные планы фашистских союзников, роли фашистского военно-политического союза в развязывании второй мировой войны.

В статье предпринята попытка выяснить особенности изучения данной проблемы в итальянской литературе, критически рассмотреть основные концепции буржуазной историографии, определить состояние источниковой базы и возможность ее использования в марксистских исследованиях.

В годы второй мировой войны были подняты вопросы об ответственности государств за развязывание мировой войны, в рамках итало-германского военно-политического союза об ответственности за поражение фашистского блока в войне. Итальянская официальная историография болезненно реагировала на обвинения в «предательстве», выдвинутые нацистской верхушкой в годы войны и затем подхваченные западногерманскими исследователями и мемуаристами, в адрес итало-фашистского союзника. Их суть сводилась к тому, что важнейшими причинами поражения фашистского блока в войне явились уклонение Италии от согласованных действий с Германией и в связи с этим вынужденная помощь Германии своему союзнику, что повлекло за собой изменения в германских военных планах, имевшие «катастрофические последствия», и, наконец, «вероломный» выход Италии из войны в 1943 г. Союз с Италией Гитлер назвал «трагической ошибкой». Эти обвинения получили развитие в обобщающем исследовании бывших гитлеровских генералов, которое было подготовлено по инициативе и под руководством англо-американских союзников по окончании второй мировой войны. В полном виде результаты этой работы были

опубликованы лишь в 1979 г. в 24 объемистых томах¹. Например, бывший генерал-майор гитлеровской армии Б. Мюллер-Гиллебранд пишет, что «союз с Италией не вел к военным победам»². Основные выводы этой работы бывших гитлеровских деятелей были преданы гласности значительно раньше — в 40—50-х гг., когда вышла серия исследований и мемуаров Кессельринга, Типпельскирха, Фрича, фон Ринтелена, Мюллер-Гиллебранда, Гудериана, а также бывших дипломатов фон Вейцзеке-ра, Шмидта и др.

Несомненное влияние на итальянскую буржуазную историографию оказала речь министра иностранных дел Италии Чиано, произнесенная в палате фаши и корпораций. В ней разъяснялась позиция итало-фашистского руководства в связи с объявлением им в сентябре 1939 г. политики «невоюющего союзника» Германии, что даже в таком необычном для дипломатической практики варианте шло вразрез с буквой «стального пакта»³. Английский исследователь фашизма Вискеманн отмечала, что основным мотивом речи Чиано было «не мы предатели»⁴.

В дневниках Чиано, опубликованных после второй мировой войны, заключение «стального пакта» приписывается «внезапному решению» Муссолини. Здесь же бывший министр иностранных дел пишет, что «трагедия Италии началась в августе 1939 г.», когда на встрече в Зальцбурге с Риббентропом он впервые узнал о «вероломном решении» германского союзника объявить войну Польше. Германское руководство было уверено, пишет Чиано, что Франция и Англия останутся безучастными к растерзанию Польши. Все это, по мнению Чиано, шло вразрез с буквой «стального пакта», статьи которого якобы оговаривали период в 3—4 года, в течение которых ни Италия, ни Германия не будут поднимать вопросов, способных нарушить европейский порядок. Из «вероломного поведения» Германии в отношении своего союзника, таким образом, вытекали причины поражения фашистского блока в войне⁵.

Тезис Чиано о «коварном нарушении» Гитлером обязательств поддерживать мир в течение трех-четырех лет взят на вооружение представителями разных направлений послевоенной итальянской буржуазной историографии. Бывший деятель фашистской партии и дипломат Бастианини считает, что Гитлер «поступил грубо и подло по отношению к Италии, начав войну, что противоречило каждой букве и духу договора», связывавшего их. В связи с этим «наши права иметь свободу рук были закон-

---

¹ World War: German Military Studies. N. Y.; L., 1979, v. 1—24.

² Ibid., v. 20, pt 2, p. 77.

³ L'Italia di fronte al conflitto. Milano, 1940.

⁴ Wiskemann E. The Rome-Berlin Axis. L., 1949, p. 186.

⁵ Ciano G. Introduzione. 23 dicembre 1943.—In: Ciano G. Diario (1939—1943). Milano, 1971, p. 3—9.

ными», заключает он⁶. В различных вариациях эти выводы повторяются в работах бывших военных и политических деятелей, дипломатов⁷.

По существу тем же целям оправдания позиции Италии в военно-политическом союзе с Германией были подчинены публикации документов. В 1946 г. издательство «Риццоли» опубликовало переписку фашистских диктаторов. В вводной статье В. Дзинконе утверждает, что против заключения «стального пакта» выступали все политические силы Италии, включая королевский двор и фашистскую иерархию. Он считает, что в августе 1939 г. в связи с «пренебрежением» Германии к своим союзническим обязанностям разрыв фашистского блока представлялся неминуемым. По мнению Дзинконе, приведенные в сборнике документы указывают на беспочвенность обвинений германской историографии в «моральной ответственности» итальянского союзника за разрыв военного пакта⁸.

В 1948 г. член комиссии по публикации дипломатических документов Р. Моска подготовил сборник документов из личного архива министра иностранных дел Чиано⁹. Комментируя документы о встрече в Милане 6—7 мая Чиано и Риббентропа, итальянский исследователь приходит к выводу, что «внезапный приказ» Муссолини повлиял на заключение итало-германского военно-политического союза, в то время как в ходе переговоров вопрос о союзе занимал «последнее место»¹⁰. Его позицию разделяет исследователь и дипломат П. Кварони: «Что в действительности имел в виду Муссолини, когда отдал приказ заключить «стальной пакт», это один из секретов, который он унес в могилу»¹¹. В январе 1978 г. в беседе с автором этих строк в ответ на замечание об ответственности Италии за развязывание мирового конфликта профессор Рудольфо Моска раздраженно возразил, что если говорить об ответственности, то ее несут все страны в равной степени.

Но наибольшее влияние на послевоенную итальянскую историографию оказала и продолжает оказывать исследовательская деятельность Марио Тоскано, профессора Римского университета, председателя комиссии по публикации дипломатических документов, советника МИД Италии в ранге чрезвычайного и

---

⁶ Bastianini G. Uomini, cose, fatti. Milano, 1959, p. 87.

⁷ Подробнее об этом см.: Михайленко В. И. Итальянская литература о политике держав оси Берлин—Рим на Балканах (1939—1940).— В кн.: Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1943). Свердловск, 1977, с. 130—140.

⁸ Zincone V. Introduzione.— In: Hitler e Mussolini: Lettere e documenti. Milano, 1946, p. XII—XIII, XXIV.

⁹ В статье используется второе дополненное издание документов: Mosca R. L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1964, v. 1—2.

¹⁰ Ibid., v. 2, p. 52.

¹¹ Prefazione di Quaroni.— In: Plehwe F.-K. von. Il patto d'Acciaio. Milano, 1970, p. 13—14.

полномочного посла. Имея неограниченный доступ к дипломатическим документам, Тоскано являлся их первотолкователем. Следует отдать должное работе Тоскано как архивиста. Благодаря его публикациям были преданы гласности важные документы об итало-германских военных переговорах весной и летом 1939 г. Под влиянием его публикаций англо-американская редакция сборника «Документы германской внешней политики» включила в приложения к 6-му тому запись этих переговоров, сделанную германской стороной¹². Важно отметить, что в сборнике итальянских дипломатических документов материалы о военных переговорах приводятся не со ссылкой на архивные источники, а на статью Тоскано, опубликованную в 1952 г.¹³ В ней итальянский исследователь явно принимает роль итало-германского военно-политического союза в развязывании мировой войны. Материал о военных переговорах он приводит для того, чтобы доказать намерение итало-фашистского руководства воздержаться от участия в войне в течение трех-четырех лет. Переговоры военных руководителей Италии и Германии он сводит к «ограниченному обмену информацией в области вооружений»¹⁴.

И. Н. Чемпалов, первым из советских исследователей обративший внимание на итало-германские военные переговоры весной и летом 1939 г., совершенно справедливо подчеркивает прежде всего то, что между Италией и Германией не возникало разногласий относительно неизбежности войны с западными державами¹⁵.

Перу Тоскано принадлежит пока единственная в Италии работа, посвященная формированию итало-германского военно-политического союза¹⁶. Как и другие его работы, она настолько насыщена оригинальными документами, что это приближает ее к источнику. И все же это не источник. Как в работах, так и в документах, опубликованных под руководством Тоскано, явно проявляется авторская позиция, его политическое кредо. Свою работу «Дипломатическое происхождение «стального пакта» Тоскано заканчивает выводом, что гитлеровское руководство сознательно ввело правительство Муссолини в заблуждение относительно сроков войны против Англии и Франции, с тем

---

¹² DGFP, ser. D, v. 6, App. I, p. 1107—1127.

¹³ T o s c a n o M. Le conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra mondiale.— In: Rivista storica italiana, 1952, N 3; DDI, ser. 8, v. 13, App. 3, p. 422—429; App. 4, p. 430—444.

¹⁴ Ibid., p. 364—365.

¹⁵ Чемпалов И. Н. Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и Средиземноморском бассейне (март — июнь 1939 г.) — В кн.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973, с. 3—31.

¹⁶ Первое издание книги вышло в 1949 г. Второе расширенное и дополненное — в 1956 г.: T o s c a n o M. Le origini diplomatiche del patto d'Acciaio. Firenze, 1956.

чтобы втянуть Италию в военно-политический союз¹⁷. Тем же целям подчинены подборка документов в 12-й и 13-й тома, включение в качестве приложения к 13-му тому явно тенденциозной подборки документов, осуществленной в свое время по заданию Чиано с тем, чтобы оправдать уклонение Италии от выполнения союзнических обязательств. Эти документы опубликованы в приложении под многозначительным заголовком «Документы относительно германских заверений...»¹⁸. В других приложениях широко используется материал из работ Тоскано. Обращаясь к встрече в Милане, Тоскано сосредоточил внимание на обсуждении вопроса о необходимости длительного мирного периода для завершения подготовки к войне¹⁹. На самом деле вопрос не занимал первостепенного значения в ходе переговоров и не случайно не был отражен в документах военно-политического союза.

В работах Тоскано и его учеников международные события рассматриваются в отрыве от внутренних процессов в стране, не учитывается характер межимпериалистических отношений, акцентируется внимание на второстепенных психологических факторах²⁰.

Несколько слов о политическом кредо известного итальянского исследователя. В пространной статье, посвященной памяти Марио Тоскано (умер в 1968 г.), Л. Дайнелли стремится представить Тоскано в качестве патриота, стоящего над политикой и идеологией, для которого «существовала только реальность». В действительности Тоскано не только последовательно претворял в дела политическую линию христианско-демократических правительств в качестве советника и дипломатического работника МИД Италии, но и защищал ее как исследователь. Тоскано призывал извлечь уроки из минувшей войны, освободиться от груза прошлых ошибок и концепций, «психологически подготовить себя к принятию новых» концепций. Под ними итальянский исследователь подразумевал укрепление «западной, демократической, международной общности» надежно противостоящей «другой, международной, коммунистической формации»²¹. Предельно ясно представляет политическое кредо Тоскано авторитетный политический деятель и исследователь Дж. Спадолини: «Тоскано — искренний и убежденный «атлантист» в те годы, когда атлантизм вызывал непонимание и глубокое сопротивление в интеллектуальном мире...»²². Думается,

¹⁷ Ibid., p. 222.

¹⁸ DDI, ser. 8, v. 12, App. 2, p. 415—421.

¹⁹ Ibid., App. 1, p. 393.

²⁰ Tосcano M. Problemi particolari della seconda guerra mondiale.— In: Rivista di studi politici internazionali, 1950, N 3, p. 8—9.

²¹ Dainelli L. Ricordo di Mario Tосcano.— In: Rivista di studi politici internazionali, 1968, N 4, p. 498—499.

²² Spadolini G. Ricordo di Mario Tосcano.— In: Nuova Antologia, 1968, ott., p. 158.

что «атлантическая солидарность» после вступления ФРГ в 1955 г. в НАТО сыграла решающую роль в снятии темы «предательства» с обсуждения в историографии, находившейся под влиянием официальных политических кругов, прервала на неопределенный срок публикацию других томов восьмой серии итальянских дипломатических документов.

Подтверждение тому можно найти в предисловии к тепло принятой буржуазной историографией в Италии книге бывшего гитлеровского офицера генштаба фон Плеве. Кварони, написавший предисловие, признал невысоким познавательный уровень работы, но поставил в заслугу автору, что тот первым из немцев снял тезис о «предательстве» Италии. Кварони указал на важность такой постановки под углом создания единой Западной Европы. Многие в этом направлении делается в экономической области, отметил автор, но все еще силен психологический фактор второй мировой войны, разделившей народы²³.

Заметное место в современной итальянской историографии проблем фашизма занимает профессор Римского университета Ренцо Де Феличе. Ключевым в его оценке итало-германских отношений является мнение, что вплоть до заключения «стального пакта», а «возможно, до весны 1940 г. до крупных германских побед на западе Муссолини, несмотря на все, не сделал предварительного выбора». Он допускает, что идеологическая близость между Римом и Берлином оказывала влияние на политику Муссолини, но не она, а стремление итальянцев использовать германский ревизионизм в интересах политики «пезо детерминанте» (решающей гирьки) способствовало итало-германскому сотрудничеству.

В термин «пезо детерминанте», который впервые был использован Д. Гранди в бытность его фашистским министром иностранных дел, исследователь вкладывает тот смысл, что Италия, не являясь великой державой перед войной, проводила политику «равного удаления» от Берлина, Лондона и Парижа²⁴. Эти тезисы получили развитие в многотомной политической биографии Муссолини и других работах Р. Де Феличе. В них Де Феличе сделал шаг назад в оценке итало-германского союза по сравнению со статьей, опубликованной двадцать лет назад. Эту статью, обращенную к событиям весны 1936 г., он назвал «К происхождению «стального пакта»²⁵. В ней речь шла о заключенных соглашениях между Боккони и Гиммлером во время визита начальника итальянской полиции в Берлин с 30 марта по 1 апреля. Соглашения определили формы сотрудничества по

---

²³ Plehwe F.-K. von. Il patto d'Acciaio, p. 21—22.

²⁴ De Felice R. Alcune osservazioni sulla politica estera mussolini-ana.—In: L'Italia fra tedeschi e alleati. Bologna, 1973, p. 63—67, 73—74.

²⁵ De Felice R. Alle origini del patto d'Acciaio.—In: La cultura, 1963, N 5, p. 524—538.

лиции против коммунистических организаций. Соглашения не имели непосредственного отношения к военному союзу, однако они, наряду с другими формами итало-фашистского сотрудничества, подготавливали общественное мнение, настраивали механизм этого сотрудничества.

В интервью журналу «Эспрессо» в 1980 г., опубликованном под заголовком «Хотел мира, делал войну», Де Феличе утверждал, что трех-, четырехлетний мирный период необходим был Муссолини, чтобы лучше выполнить «роль посредника, к которой он очень тяготел». Де Феличе считает, что перед войной Муссолини стремился к «установлению прочных отношений с Англией». Заключение военно-политического союза с Германией он объясняет «страхом» Муссолини перед Германией²⁶.

В 1982 г. журнал ИКП «Студи сторичи» опубликовал рецензию М. Палла на пятый том политической биографии Муссолини Де Феличе²⁷. Марко Палла обращает внимание на концептуальное родство работ Де Феличе с англо-американской «ревизионистской школой», к которой принадлежит Тейлор, Клейн, Робертсон и др. Палла отмечает явную недооценку в работах Де Феличе идеологической общности фашистских государств, и это неудивительно, поскольку Де Феличе уходит от ответа на вопрос об общих элементах итальянского фашизма и германского национал-социализма. Рецензент справедливо указывает, что итало-германский военный союз являлся одним из решающих факторов международной и итало-фашистской политики в эти годы. Италию и Германию сближали общность идеологии, логика всевластия, агрессивности и империализма. Эта общность, а не «традиционные причины политико-стратегического характера», как утверждает Де Феличе, привела их к интервенции против республиканской Испании. Палла замечает, что в работе Де Феличе итало-германский союз отнесен на задний план англо-итальянскими отношениями. Де Феличе обвиняет Лондон «в провале» посреднических усилий Муссолини накануне войны и в нежелании достичь соглашения с Римом. Эти тезисы особенно последовательно развивает в своих работах его ученица Розариа Квартараро²⁸. Прав Палла, когда пишет, что вопрос о характере, природе и сущности итальянского империализма находится за рамками исследования Де Феличе.

Итальянские исследователи-марксисты Дж. Кароччи, Э. Сантарелли и некоторые буржуазные авторы Ф. Д. Амойя, Э. Ди Нольфо, Дж. Руми указывают на наличие определенной захватнической программы итальянского фашизма, на ее преемственность с империалистической политикой правящих кругов Ита-

---

²⁶ L'Espresso, 1980, 8 giugno.

²⁷ Palla M. Mussolini il fascista numero uno.— In: Studi storici, 1982, N 1, p. 48.

²⁸ Новая и новейшая история, 1983, № 3, с. 201—205.

лии в период, предшествовавший захвату власти фашистами²⁹. Вступление Италии в войну в июне 1940 г., пишет историк-марксист П. Алатри, не было «проявлением и последствием внезапного безумства Муссолини, напротив, логическим итогом внешней и внутренней политики двадцатых годов»³⁰.

В книге авторитетного историка-коммуниста Роберто Батталья «Вторая мировая война» обращается внимание на последствия для Италии заключения «стального пакта». Значительное место в своей работе Батталья отводит освещению острого итало-германского соперничества, имевшего место «за фасадом официальных манифестаций и заявлений об идеологической общности между фашизмом и нацизмом». Исследователь особенно обращает внимание на стремление Германии подчинить экономикой более слабого союзника. В связи с этим он отмечает, что некоторые монополистические группы, например, наиболее агрессивные металлургические и машиностроительные, придерживались «антигерманских и антиинтервенционистских» настроений в 1939 г.³¹

В более поздних работах Мигоне, Мори, Диггинса, Кастроново обращается внимание на устойчивые связи итальянских монополистических группировок, например «Фиат», с американским капиталом в течение всего периода фашизма³². Это, однако, не помешало им поддерживать режим Муссолини. Дж. Мори справедливо увязывает агрессивность внешней политики фашизма со стремлением итальянского империализма к переделу мира, к выходу на рынки экспорта и сырья, где итальянские монополии сталкивались с английскими, американскими и французскими³³. Сантомассимо считает, что для правильной оценки внешней политики фашизма необходимо иметь в виду весь комплекс мировой капиталистической экономики³⁴. Эти вопросы еще ждут своего решения в современной итальянской историографии.

Казалось бы, вопросы, связанные с заключением итало-гер-

---

²⁹ Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista (1925—1928). Bari, 1969; Santarelli E. Storia del fascismo. Roma, 1981, v. 2; D'Amoja F. La politica estera dell'impero. Padova, 1967; Di Nolfo E. Il revisionismo nella politica estera di Mussolini.— In: Il Politico, 1954, p. 85—100; Rumi G. "Revisionismo" fascista ed espansione coloniale (1925—1935).— In: Il movimento di liberazione in Italia, 1963, N 7, p. 3—26.

³⁰ Alatri P. Le origini del fascismo. Roma, 1971, p. 29.

³¹ Battaglia R. La seconda guerra mondiale. Roma, 1964, p. 86—88.

³² Migone G. La stabilizzazione della lira: La finanza americana e Mussolini.— In: Rivista di storia contemporanea, 1973, N 2. Diggins I. P. L'America, Mussolini e il fascismo. Bari, 1972; Castronovo V. Giovanni Agnelli. Torino, 1971.

³³ Mori G. Processo d'industrializzazione e storia d'Italia.— Belfagor, a. 29, N 6, p. 626.

³⁴ Santomassimo G. Il fascismo degli anni trenta.— In: Studi storici, 1975, N 1, p. 123.

манского военно-политического союза и его влиянием на разработку итальянской военной стратегии должны были стать первоочередными задачами в работах итальянских военных исследователей. В Италии проблемы военной истории разрабатываются как отдельными исследователями, так и военно-историческими отделами при генеральных штабах трех родов войск. Каждый из них осуществляет научно-исследовательскую деятельность самостоятельно. В 1982 г. создан межуниверситетский Центр исследований военной истории Италии, чтобы покончить с разобщенностью исследований.

Работы итальянских военных историков отличаются, как правило, детальным описанием хода военных действий, основанным на солидной документальной базе. Недостатки большинства из них вытекают из ошибочной методологической установки на исследование проблем под военно-техническим углом зрения. Вопреки благим намерениям, такой метод исследования не способствует объективному анализу событий, на что претендуют итальянские военные историки, становится удобным прикрытием для реабилитации многих аспектов фашистской политики. В военно-исторических исследованиях приводятся важные документы, которые дают представление о военно-стратегическом планировании Италии накануне войны, при сопоставлении с другими документами и материалами они позволяют вскрыть намерения фашистских союзников в этот период.

С амбициозной претензией на «пересмотр» сложившихся исторических суждений о второй мировой войне выпустил в 1959 г. книгу бывший фашистский генерал Э. Фалделла³⁵. Основную вину за «проигранную» войну он возложил на политическое руководство, которое не смогло своевременно предложить военному командованию ясные общие политические и военно-стратегические директивы. Отсутствие директив Фалделла объясняет тем, что политика Муссолини была направлена на обеспечение итальянского нейтралитета. Агрессивные намерения фашистского руководства он признает только в рамках, ограниченных 1923—1936 гг.³⁶ Несостоятельность этого вывода Фалделлы становится очевидной, если сослаться на выступление Муссолини на заседании ассамблеи корпораций в марте 1936 г. с обоснованием плана экономической автаркии. В основе развития экономики, подчеркивал Муссолини, лежит посылка «неизбежности положения, при котором страна будет призвана пройти через испытания войны». «Когда именно? Как именно? Никто не сможет этого сказать, но колесо судьбы вращается быстро... В переживаемый исторический период факт войны является вместе с доктриной фашизма определяющим элемен-

---

³⁵ Faldella E. L'Italia nella seconda guerra mondiale: Revisione di giudizi. Bologna, 1959.

³⁶ Ibid., p. 15—18.

том позиции государства в отношении хозяйства страны», — заключил глава правительства ³⁷.

Причины итало-германского сближения Фалделла связывает исключительно с экономическими санкциями, политикой «окружения» и «агрессивным поведением» западных держав в отношении Италии в период войны с Эфиопией ³⁸. В рецензии на книгу Фалделлы исследователь-коммунист Батталья раскрыл цели подобных исследований, подчиненные защите военной касты, к которой принадлежит сам Фалделла. Батталья подчеркивает, что антигерманская направленность рецензируемой работы не имеет ничего общего с антинацистской. Первым, кто предал итальянский народ, подчеркивает исследователь-коммунист, был фашистский режим Муссолини, «стальной пакт» в этом смысле являлся союзом лишь между двумя режимами». Батталья резко критикует антисоветскую направленность работы Фалделлы, который считает, что «ошибки, допущенные Италией, имели второстепенное значение» по сравнению с политикой западных союзников, допустивших победу СССР. Батталья определяет «историографический ревизионизм» работы Фалделлы как «апологетически фашистский или неофашистский» ³⁹.

Заключение итало-германского военно-политического союза не было результатом «случайного стечения обстоятельств» или «внезапного решения только одного человека». Общность главных политических целей — борьба за передел мира и фашистской идеологии сближали Италию и Германию.

К 1936 г. сложился политический союз — фашистская ось, у итало-германского блока уже были налажены сотрудничество в подготовке военных кадров, обмен военной и разведывательной информацией и координация действий против СССР и Коминтерна. Репрессивный аппарат фашистских государств координировал борьбу против коммунистов и других прогрессивных сил, складывался механизм сотрудничества в области внешней и расистской политики, идеологии, пропаганды и культуры. Согласованно и активно действовала фашистская ось против республиканской Испании. В общих чертах определились долгосрочные военно-политические цели фашистских государств в борьбе за передел мира против Англии и Франции. В конце 1938 г. фашистские державы вплотную подошли к обсуждению вопросов совместного военного планирования ⁴⁰. На заседании большого фашистского совета 4 февраля Муссолини конкретизировал агрессивные цели фашистской Италии, которые самым

---

³⁷ Il Messaggero, 1936, 24 marzo.

³⁸ Faldella E. L'Italia nella seconda guerra mondiale, p. 19—34.

³⁹ Battaglia R. Recensione.— In: Studi storici, 1959—1960, p. 1086—1096.

⁴⁰ См. об этом: Михайленко В. И. Формирование итало-германского военно-политического союза в 1936—1939 гг.— В кн.: Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Свердловск, 1983, с. 49—50.

непосредственным образом затрагивали стратегические интересы англо-французского блока. Италия уже осуществляла империалистический передел мира в результате захвата Эфиопии, интервенции в Испании, «освоения» албанского плацдарма на Балканах.

Военные переговоры в апреле в Инсбруке и встреча министров иностранных дел в Милане в мае 1939 г. выявили не только главного противника — англо-французский блок — и неизбежность борьбы с ним, но и разногласия между Римом и Берлином относительно приоритета в выборе театров военных действий, времени и последовательности осуществления военных операций, соперничество в борьбе за сферы влияния. Важно подчеркнуть, что, хотя обе стороны высказались в пользу трех-, четырехлетнего периода подготовки к фронтальному столкновению с англо-французским блоком, это не распространялось на локальные или «параллельные» войны. В связи с тем что германский партнер предлагал не нарушать мир на Балканах на данном этапе, итальянское руководство умолчало о предстоящей агрессии против Албании и тем более о планах войны против Греции и Югославии. Речь шла лишь об «оборонительной» войне против Франции, если она придет на помощь балканским союзникам.

Албания стала первой жертвой итальянской «параллельной» войны в Средиземноморье. Если агрессия против Албании не подожгла фитиль мировой войны, то потому, что западные державы готовы были смириться с уступкой этой страны державе оси. Но какова была бы их позиция в отношении итальянской «параллельной» войны против Греции или Югославии?

Германское руководство имело свои виды на Италию. В плане «Вайс» указывалось: «Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим»⁴¹.

Заключение «стального пакта» стало логическим звеном в осуществлении подготовки итальянского и германского империализма к борьбе за передел мира. В 1943 г., незадолго до казни, Чиано поддержит версию о вине «только одного человека» — Муссолини за втягивание страны в военный союз с Германией. А в мае 1939 г. на церемонии подписания «стального пакта» итальянский министр иностранных дел произнес иные слова: «Я особенно счастлив, что мое имя будет стоять рядом с именем Риббентропа в этом документе, который... будет означать длительный путь, по которому пойдут наши 150-миллионные нации, чтобы защитить с непреклонной решимостью их неотъемлемые права на жизнь и прогресс»⁴².

Справедливо пишет М. Палла, что мнение о вине «только

⁴¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, № 227, с. 326.

⁴² ACS, PCM, 1939, b. 15, f. 2, sottofasc. 7473. Patto di alleanza italo-tedesche.

одного человека» как традиционное, так и неисторичное. «Муссолини не был «только одним человеком», но был фашистом номер один», — метко отмечает Палла⁴³. Подписание пакта знаменовало завершение важного этапа в формировании блока фашистских государств, поставившего своей целью открытую борьбу за империалистический передел мира.

Вместе с тем формирование итало-германского блока и отношения между фашистскими союзниками подтвердили справедливость указания В. И. Ленина о том, что при капитализме «возможны временные соглашения между капиталистами и между державами» для совместной борьбы против социализма, за передел мира или для охраны награбленного, но любой союз империалистических держав — «это — союз хищников, из которых каждый старается урвать что-нибудь друг у друга»⁴⁴. Применительно к «стальному пакту» меткость этого вывода проявилась в отсутствии соглашения между фашистскими союзниками о проведении совместной или согласованной политики в Европе и в средиземноморском районе. В «Истории второй мировой войны» указывается, что союз Германии и Италии был союзом хищников, полных недоверия друг к другу и объединившихся для общих разбойничьих целей⁴⁵.

В работах большинства итальянских буржуазных исследователей отмечается стремление принизить значение «стального пакта» и роль фашистской Италии в развязывании мировой войны. Например, миланский исследователь Л. Чева утверждает, что военный союз с Берлином являлся для Италии лишь «прикрытием малых балканских авантур». Под этим углом Чева рассматривает итало-германские военные переговоры, состоявшиеся весной и летом 1939 г. «Если бы договор рассматривался как инструмент агрессивной политической общности, тогда военные переговоры должны были бы завершиться четким военно-стратегическим соглашением с ясным определением целей и времени». Но поскольку Италия стремилась «прикрыть» союзом свои локальные планы, а Германия отвлечь при помощи Италии внимание англо-французского блока, то итало-германское военное сотрудничество ослабло к концу июля. В конечном итоге исследователь приходит к выводу о «пробелах в германской военной стратегии», «об иллюзиях политического характера», «об ограниченности германского стратегического мышления», о «безрассудной вере немецких и итальянских руководителей в дипломатические способности» Гитлера⁴⁶. Итальян-

⁴³ Palla M. Mussolini il fascista numero uno, p. 49.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354; т. 41, с. 350.

⁴⁵ История второй мировой войны. М., 1974, т. 2, с. 320.

⁴⁶ Ceva L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore dell'esercito. — In: Storia contemporanea, 1979, N 2, p. 222—226; Idem. Altre notizie sulle conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra mondiale, aprile-giugno 1939. — In: Il Risorgimento, 1978, ott., p. 152.

нский исследователь не допускает, что незавершенность военных переговоров могла быть вызвана острыми разногласиями между их участниками.

В распоряжении исследователей имеется достаточно документов, доказывающих, что итало-фашистское руководство намеревалось использовать польско-германский конфликт для одновременных агрессивных акций. По крайней мере, визиты в Италию и Ливию в апреле и мае гитлеровских руководителей Геринга и Браухича не оставляли сомнений в солидарности итальянского союзника с Берлином. В рекомендациях Муссолини венгерскому правительству отчетливо прослеживается намерение Италии использовать польско-германский конфликт для существования агрессии на Балканах⁴⁷. При этом Муссолини не исключал враждебного отношения со стороны Англии и Франции, но, видимо, рассчитывал, что действия с их стороны не выйдут за рамки ограниченных и локальных, как это предусматривалось директивами войны с Грецией и Югославией.

Таким образом, оба фашистских союзника намеревались до завершения подготовки фронтального столкновения с западными державами осуществить свои планы «локальных», «параллельных» войн (Германия — против Польши, Италия — на Балканах). Под этим углом следует рассматривать важный документ главы фашистского правительства, известный в литературе под названием «меморандум Каваллери». В итальянской уржуазной историографии письмо Муссолини, с которым заместитель председателя итало-германской военной и военно-экономической комиссии генерал Каваллери выехал в Берлин в конце мая 1939 г., рассматривается как подтверждение «миролюбивых» намерений Италии. В действительности глава фашистского правительства ограничился в нем двумя замечаниями: неизбежность фронтального столкновения с англо-французским блоком и стремление избежать его в течение ближайших трех лет. Основное внимание в меморандуме было сосредоточено на обосновании итальянского плана «параллельной» войны. В Инсбруке Мариани довел до сведения германского командования ту часть плана, которая предусматривала получение помощи от Германии для ведения «оборонительной» войны против Франции. В меморандуме Муссолини познакомил Гитлера с наступательной частью плана «параллельной» войны. «Только в направлении востока и юго-востока война может приобрести динамичный характер», — утверждал Муссолини. «Италия предоставит больше людей, чем средств, а Германия — больше средств, чем людей»⁴⁸. Трудно поверить, что такое распределение вклада фашистских союзников в войну предусматривалось в отношении итальянской европейской войны.

⁴⁷ Венгрия и вторая мировая война. М., 1962, № 96, с. 173—175.

⁴⁸ DDI, ser. 8, v. 12, N 59, p. 49—51.

Почему германское руководство уклонилось от обсуждения «меморандума Каваллерио»? Например, Тоскано считает, что Гитлер стремился избежать обсуждения «гарантий» сохранения мира⁴⁹. Итальянский исследователь явно упускает из виду такой важный фактор, как острое соперничество фашистских союзников в Центральной и Юго-Восточной Европе. Берлин имел свои виды на эти районы, являвшиеся важной сырьевой базой для германской военной машины. В ходе встреч фашистских руководителей в Инсбруке, Милане, визитов Геринга и Браухича отмечалось стремление германского союзника отговорить Рим от реализации планов «параллельной» войны на Балканах, склонить к достижению согласованных действий в войне в соответствии с германскими планами. Неудивительно, что столь delicate вопросы, как разграничение сфер влияния и зон оперативного действия, Гитлер намеревался лично обсудить с Муссолини⁵⁰.

Во время итало-германских военно-морских переговоров летом 1939 г. германская сторона ясно дала понять, что она не одобряет «меморандум Каваллерио». Адмирал Шнивинд, участник переговоров, писал о позиции Германии: «Немцы должны позаботиться о том, чтобы в комбинированной войне Италия не увлекалась достижением своих престижных целей, а в интересах наших общих целей она проявила бы самую энергичную активность в Западном Средиземноморье и одновременно придерживалась бы оборонительной стратегии в Восточном. В будущей войне Италия должна уделить основное внимание действиям военно-морских сил»⁵¹. Чева соглашается с тем, что итальянские записи военно-морских переговоров свидетельствовали о намерении Берлина ориентировать своего союзника на действия прежде всего в Центральном Средиземноморье⁵².

На переговорах руководителей итальянских и германских ВВС, документы которых впервые ввел в оборот Чева, Геринг говорил о необходимости оккупации островов Корсика, Менорка, Мальта, наступательных действий из Ливии и нанесении мощного удара по английским морским коммуникациям. Что касается Балкан, то Геринг считал необходимым осуществить оккупацию сырьевых районов только в случае затяжной войны⁵³. В свете этих документов по меньшей мере неубедительно выглядят попытки буржуазных исследователей свести причины разногласий между фашистскими союзниками к проблеме «трехлетних мирных гарантий». На этот счет Палла указывает на абсурдность утверждений, будто Муссолини, который «открыто

---

⁴⁹ Toscano M. Le origini diplomatiche del patto d'Acciaio, p. 365—367.

⁵⁰ DDI, ser. 8, v. 12, N 130, p. 112.

⁵¹ DGFP, ser. D, v. 6, App. 14, p. 1126—1127.

⁵² Ceva L. Altre notizie sulle conversazioni militari..., p. 160—169.

⁵³ Ibid., p. 159.

и по-фашистски демонстрировал свое пренебрежение к любой писаной норме международного права и к дипломатическим документам, фиксирующим пакты и договоры, мог основывать свою политическую стратегию на устном заверении, что немцы не начнут войну первыми в течение нескольких лет, и на обязательствах превентивных консультаций»⁵⁴.

Неубедительно также выглядят утверждения, например, А. Сантони на недавнем конгрессе по военной истории в Монпелье, будто «стальной пакт» вступил в кризис в августе 1939 г., когда в Зальцбурге германские руководители впервые раскрыли Чиано свои «подлинные намерения» в отношении Польши⁵⁵.

Документы, приведенные в работах военно-исторических отделов, указывают на целенаправленный характер подготовки фашистской Италии к войне против англо-французского блока.

В 1955 г. военно-исторический отдел сухопутных сил опубликовал работу о подготовке итальянских вооруженных сил к военным действиям в Северной Африке⁵⁶. Она охватывает период с октября 1935 г. по сентябрь 1940 г. Книга дает представление о масштабах и этапах итальянских военных приготовлений в Северной Африке. В период итало-эфиопского конфликта повысился интерес военного руководства к перспективному североафриканскому театру военных действий, в Ливии начаты новые фортификационные работы, осуществлена реорганизация военного руководства, в апреле 1937 г. создано верховное командование вооруженными силами Северной Африки. В случае войны план ПРД, исходивший из предпосылки войны против Франции, Англии и Египта, предусматривал ведение маневренной обороны на западных границах Ливии и «стремительное наступление» на востоке с целью оккупации Александрии. План вызвал возражение командующего вооруженными силами в Северной Африке маршала Бальбо, который считал недостаточным указанных сил для реализации плана.

Генеральный штаб в принципе согласился с доводами Бальбо, о чем Париани сообщил Бальбо 7 января, но удовлетворить его просьбу не смог по финансовым соображениям. 26 января 1939 г. маршал Бадольо провел совещание с участием начальников штабов трех родов войск. Бадольо довел до сведения оценку общей политической ситуации, которую накануне получил лично от Муссолини. Глава правительства не исключал возможности изолированного военного конфликта с Францией. Позицию Германии в отношении Италии должна была прояснить

---

⁵⁴ Palla M. Mussolini il fascista numero uno, p. 45.

⁵⁵ Santoni A. L'operatività dell'alleanza italo-tedesco nella guerra aeronavale del Mediterraneo (1940—1943), p. 1. (Тез. докл. на конф. в Монпелье. Ротапринт).

⁵⁶ In Africa Settentrionale. La preparazione al conflitto. L'avanzata su Sidi el Barrani (ottobre 1935 — settembre 1940). Roma, 1955.

речь Гитлера в конце января. Бадольо подчеркнул необходимость сохранения хороших отношений с Югославией. Он поручил начальникам генштабов подготовить планы концентрации сил на западе для обороны альпийской границы, оборонительные мероприятия предусматривались также в Ливии. План наступления на Египет отменялся, как и переброска экспедиционного корпуса в Ливию. В связи с этим Бадольо распорядился завершить с февраля по май 1939 г. переброску дополнительных военных материалов с материка в Ливию для уже размещенных там четырех итальянских и трех ливийских дивизий. К маю 1939 г. предполагалось на 4/5 завершить фортификационные работы по укреплению городов Триполи, Налута и Зуара. Политическая директива предусматривала оборонительные действия в Северной Африке, а также на альпийской границе с Францией.

Исходя из перспективы конфликта с Англией и Францией особенно в Средиземноморском бассейне, Муссолини уполномочил Бадольо совершить инспекционные поездки в Ливию. Первая состоялась в конце февраля 1939 г. По ее итогам Бадольо сделал вывод, что программа приготовлений в Северной Африке еще далека от завершения; чтобы решить проблему эффективной обороны, Бадольо полагал, что для выполнения сделанных им указаний потребуется еще 6—7 месяцев и только весной 1940 г. итальянские войска в Ливии смогут обороняться и даже решать наступательные задачи.

Вторая инспекционная поездка состоялась с 5 по 10 июня 1939 г. В докладе на имя главы правительства Бадольо отметил незавершенность военных приготовлений из-за недостатка персонала и материалов и внес новые предложения на этот счет, особенно важное значение он придавал оснащению войск современным оружием, авиацией и механизированными средствами передвижения. Кроме того, Бадольо настаивал на укреплении военно-морских баз в силу их особой стратегической важности в Средиземном море. Он полагал, что только к концу 1940 г. можно добиться создания эффективной оборонительной системы в Западной Ливии.

26 июля 1939 г. был объявлен закон о военных приготовлениях итальянских заморских сил, в соответствии с которым Бадольо направил генштабам родов войск директивы, предусматривавшие защиту территорий даже в случае их блокады. Учитывая возможные осложнения с доставкой крупных соединений в заморские владения морским путем в случае войны в Средиземноморье, директивы определяли минимум войск для каждой территории и возможность дополнительных поставок воздушным путем. Директивы определяли формы взаимодействия североафриканского, восточноафриканского и эгейского театров действий. 29 августа Бадольо направил специальные директивы оперативного характера относительно Ливии, итальянской Восточной Африки и Эгейских островов. В Восточной Африке ста-

вились задачи обеспечить внутренний порядок и целостность границ, предусматривалось изучение операций с целью отвлечения неприятельских сил от Восточной Ливии, посредством операций на северо-западной границе.

Мировая война, подытожено в книге, застала итальянские войска в Северной Африке в состоянии опасного кризиса в связи с их неподготовленностью к отражению нападения с востока и запада⁵⁷.

Эта работа дает ценные сведения о подготовке итальянских вооруженных сил к войне в Северной Африке. Однако из этой работы неясно, чем руководствовалось итальянское командование, избрав план «оборонительной» войны? А где предполагалось наступление? Как отразились на итальянских военных планах вопросы взаимодействия, которые обсуждались на итало-германских переговорах? Рассмотрение военного планирования в Северной Африке излагается изолированно от общих стратегических планов, нет полного представления о военных целях итало-фашистского руководства накануне второй мировой войны.

И в других работах военно-исторического отдела сухопутных сил рассмотрение вопросов военного планирования не выходит за ограниченные рамки избранного театра военных действий⁵⁸.

Дополнительные факты об итальянских военных намерениях накануне второй мировой войны можно почерпнуть из трехтомника о подготовке агрессии против Греции, изданного указанным военно-историческим отделом⁵⁹.

После захвата Албании генштаб поручил генералу Гудзони разработать план агрессии против Греции. Этой цели была посвящена инспекционная поездка начальника генерального штаба в Албанию с 19 по 26 июня 1939 г. В пространном меморандуме на имя главы правительства маршал Бадольо отметил стратегическую важность «освоения» Албании для закрытия Адриатического моря, высадки на Балканах и продвижения в направлении линии Салоники — Константинополь — Афины. Из Албании, подчеркивал Бадольо, можно угрожать Югославии и Греции, воздействовать на Болгарию, обеспечить безопасность Эгейских островов. Важную ценность этот «оперативный театр особой деликатности», так отозвался об Албании Бадольо, представлял для размещения на нем авиационных баз. Бадольо ясно указал, что итальянские войска в Албании надо нацеливать против Греции, Югославии, а также их балканских и ближневосточных союзников⁶⁰.

Угроза возникновения войны в связи с германскими требованиями к Польше не являлась откровением для итало-фашист-

⁵⁷ Ibid., p. 43—60.

⁵⁸ Книга о боевых действиях фашистской Италии против Югославии (1941—1943).— Сов. славяноведение, 1980. № 3, с. 112—114.

⁵⁹ La campagna di Grecia. Roma, 1980, t. 1—3.

⁶⁰ Ibid., t. 2, N 1.

ского руководства. Накануне переговоров Чиано с Гитлером и Риббентропом в Зальцбурге с 11 по 13 августа официальное агентство «Стефани» подчеркивало, что встреча состоится в тот момент, когда Польша «должна ответить на германские предложения по Данцигу и коридору»⁶¹.

Более того, итало-фашистское руководство ускорило военные приготовления на Балканах в связи с обострением польско-германских отношений. Бадольо сделал следующее признание: «16 августа (т. е. сразу же после встречи в Зальцбурге.— В. М.) в связи с неминуемостью германских действий для решения данцигской проблемы Дуче дал мне директивы оперативного характера, которыми мы должны руководствоваться». 22 августа был рассмотрен план Гудзони, на основании которого 23 августа были разработаны директивы для «албанского оперативного театра»⁶².

27 августа был подготовлен меморандум с оценкой военно-политической обстановки и оперативных задач, стоящих перед вооруженными силами.

Предполагаемая расстановка политических сил. Тоталитарный блок: Италия, Германия, Словакия, Венгрия. Блок западных держав: Франция, Англия, Польша, Турция, Египет. Нейтральные страны: Швейцария, Югославия (неопределенно), Румыния (вынужденно), Испания и Болгария (благоприятный нейтралитет), Греция (враждебный нейтралитет).

Военные цели. Обеспечить незыблемость границ страны и колоний; в возможно короткий срок начать наступление против Греции; если позволит внутренняя обстановка в Югославии, начать наступление против нее. *Подготовительные военные мероприятия.* В результате первых мобилизационных мероприятий поднять 72 дивизии, затем не ранее чем через три месяца еще 15...

Заключение. Есть все предпосылки для организации оборонительных действий на западе. Для наступательных действий на востоке необходимо: *против Греции* — обеспечить давление со стороны Болгарии на Грецию, рассеять греческую оборону отвлекающими операциями; *против Югославии* — организовать нажим со стороны Венгрии (при этом хотелось бы исключить вмешательство Германии) и подрывные действия хорватских сепаратистов. Обе операции следует осуществлять последовательно, чтобы не оказаться без резерва. Если не будут достигнуты предусмотренные благоприятные условия, логично осуществить одну из них⁶³.

⁶¹ ACS, PCM, 1939. Visita ufficiale in Italia del generale Walter von Brauchitsh, f. 4. 12, N 7319.

⁶² La campagna di Grecia, t. 1, p. 21; t. 2, N 67, p. 199—218. Direttive per il teatro d'operazioni in albanese, 23/VIII 1939.

⁶³ Ibid, t. 2, N 69, p. 215—218. Memoria sulle possibilità operative in relazione alle Forze disponibili, 27/VIII 1939.

Результаты обсуждения Бадольо доложил главе фашистского правительства. Почему фашистская Италия воздержалась от войны на Балканах в связи с началом германской агрессии против Польши? Авторы военно-исторического исследования утверждают, что вопрос о наступательных действиях против Греции и Югославии не выходил за рамки «оперативного изучения»⁶⁴. Потому не стоит всерьез рассматривать вопрос о подготовке Италии к агрессии в августе 1939 г. С этим нельзя согласиться. Изменение отношения Муссолини к вступлению в войну произошло под мощным давлением англо-французского блока. Только перед прямой угрозой превращения со стороны Лондона и Парижа польско-германского конфликта в широкомасштабную европейскую войну и нанесение массированного удара Италии правительство Муссолини предпочло занять позицию «неучастия в войне». Следует учитывать, что Рим намеревался добиваться в войне реализации своих планов, что не входило в расчеты германского союзника. 18 августа начальник югославского генштаба Симович заявил германскому военному атташе в Белграде, что Югославия не позволит втолкнуть себя в «английский вагон». В случае возникновения войны правительство заявит о нейтралитете, но если итальянская армия попытается проложить себе путь к Салоникам через Югославию, то она будет защищать свой нейтралитет. В этом случае оказались бы сорванными поставки югославских цветных металлов для германских военных нужд, о которых Берлину удалось договориться в обмен на германское оружие⁶⁵. Возникновение очага войны на Балканах произошло бы в неблагоприятный для Германии момент. В таком случае Италии трудно было рассчитывать на поддержку со стороны германского союзника.

У этой проблемы есть и другая сторона, которую необходимо учитывать при рассмотрении причин возникновения мировой войны. В случае локализации польско-германского конфликта складывались условия, предусмотренные планами итальянского руководства для осуществления «параллельной» войны на Балканах. Их реализация была чревата перенесением пожара войны на Балканы, к центрам стратегических и колониальных интересов Англии и Франции, угрозой совместных действий фашистской оси в юго-восточном направлении. Вместо переключения германской агрессии против СССР могло произойти фронтальное столкновение двух империалистических блоков в Средиземноморье. Угроза объявления, а затем и объявление войны Германии со стороны англо-французского блока из-за Польши

---

⁶⁴ Ibid., t. 1, p. 26, 109—111.

⁶⁵ Чемпалов И. Н. Политика великих держав на Балканах в период предвоенного политического кризиса в Европе (март—август 1939 г.).— В кн.: Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск, 1976, с. 118.

пресекли итальянские планы «параллельной» войны против Балканских стран.

Итак, к настоящему времени итальянская буржуазная историография располагает документами, для того чтобы вскрыть причины формирования итало-германского военно-политического союза, стратегические цели и намерения фашистских союзников, этапы их реализации, особенности внутриблоковых отношений и их влияние на разработку военно-политической стратегии фашистского блока в целом и каждого из союзников в отдельности, установить влияние итало-германского союза на подготовку и развязывание мировой войны. Однако слабость исходных методологических позиций, фрагментарность исторических исследований, заимствование концепций из арсеналов фашистской пропаганды с целью оправдания политики Италии отрицательно сказываются на результатах многих работ итальянских буржуазных авторов.

Фактический материал о заключении «стального пакта» подтверждает справедливость выводов марксистской историографии, которая рассматривает итало-германский союз в качестве одного из важнейших факторов в развязывании второй мировой войны, определяющего и решающего элемента во внешней политике фашистской Италии накануне второй мировой войны. Исследование истории формирования итало-германского военно-политического союза с марксистских методологических позиций дает сильные аргументы в подтверждение марксистской теории возникновения второй мировой войны и выявления ее виновников, вносит весомый вклад в борьбу против буржуазных фальсификаций истории второй мировой войны.